

Медийный скандал с русскими семинаристами: свидетельства участников

А. Куланов

В 1908 г. в российских СМИ появилась информация о притеснениях русских воспитанников в Токийской православной семинарии. Материалы оказались журналистской «уткой», но для их опровержения архиепископом Николаем Японским и митрополитом Сергием (Тихомировым) были подготовлены серьезные статьи (прочны забытые до сегодняшнего дня), позволяющие представить реальные условия подготовки первых русских японоведов.

Ключевые слова: Токийская семинария, архиепископ Николай Японский, русские семинаристы.

История, произошедшая в Токийской православной миссии во второй половине 1908 года, вряд ли дошла бы до нас, не окажись она скандальной настолько, что для благополучного разрешения ее потребовалось вмешательство главы миссии – архиепископа Николая Японского. Но и в этом случае, полвека скрупулёзно записывавший в дневник все, что приключалось с ним на японской земле, Владыка Николай, скорее всего, ограничился бы краткими заметками в своей тетради, если бы внутренний конфликт в семинарии не вылился в скандал в прессе.

Начиналось все на той привычно печальной ноте, которая и сегодня звучит в сердцах интеллигентных людей, когда они оказываются вынуждены общаться с представителями массмедиа. На исходе жаркого токийского лета 1908 года, 29 августа по старому стилю или 11 сентября по новому, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, в православную миссию на холме Суругадай в Токио к архиепископу Николаю Японскому поднялась незваная гостья. Впечатление от общения с ней у Владыки сложилось сразу весьма определенное: «Была корреспондентка “Нового Времени” Марья Александровна Горячковская¹; показал ей училища; особа очень живого воображения; перебегает с вопроса на вопрос, не выслушавши ответа ни на один»².

Надежда, вероятно, жившая в душе архиепископа, на то, что «особа живого воображения» не потревожит более покой миссии и, в идеале, оставит свои наблюдения при себе, умерла через пять дней, когда во

время беседы с протестантским священником: «...вошла корреспондентка “Нового Времени”, Марья Александровна Горячковская, приехавшая нарочно из Иокогамы, чтобы расспросить о Миссии... По женскому обычаю и, должно быть, по избытку воображения, она и сегодня не вела разговор правильно и не выслушивала ответов на мои вопросы, как должно, потому едва ли корреспонденция о Миссии, если она будет, будет сообщая верные сведения о деле Миссии здесь»³.

Отец Николай еще не знал, насколько пророческой окажется эта его запись, но события развивались очень быстро. Нет сомнений в том, что, будь в те годы телевидение, Горячковская была бы телерепортером какого-нибудь «желтого» канала: ее хватка и наглость и сегодня поражают воображение. 24 августа архиепископ вновь вынужден был упомянуть ее в своих дневниковых записях: «Мадам Горячковская была, наговорила с три короба и в заключение попросила в долг; стал давать 50 ен, пристала – дай 75. Дал, но больше уже не дам; едва ли вернет; а я без того не только беден, но и в долгах. Говорила, что украли у нее 300 рублей русскими сторублевыми бумажками. Но потому, что она упорно не желает объявить о том, сомнительно, чтобы это случилось. Лгать ей, по-видимому, не учиться стать; мне говорила одно, Преосвященному Сергию (митрополит Сергей (Тихомиров), служивший в то время в Токио. – А. К.) совсем другое об одних и тех же предметах»⁴.

С этого времени апелляция к нетуземному происхождению, до боли напоминающая современное нам «мы сами люди не местные...», постоянно сопровождалась в тактике Горячковской попытками внести разлад в мирный уклад околомиссийской жизни в Токио. Очередной жертвой коварной репортерши стал профессор японоведения Д. М. Позднеев, близкий родственник о. Петра Булгакова – священника церкви в российском посольстве. Позднеев, будучи выходцем из семьи священнослужителей, был частым и желанным гостем в миссии, принимал участие в составлении программы для обучения японскому языку русских семинаристов, принимал у них экзамены и поддерживал тесные отношения с Николаем Японским. Неудивительно поэтому, что когда через несколько дней профессор впустил в свой дом столичную журналистку, жаловаться он тоже пришел в миссию. «...М.А. Горячковская написала ужасное письмо к нему (Позднееву. – А. К.); ругает его самыми поносными названиями и корит за злонамеренность относительно ее; между тем, Дмитрий Матвеевич говорит, что три дня тому назад она была у него, обедала и вела себя весьма любезно. Позднеев решительно не знает, чему приписать этот ее гнев и злобу; говорит, что вел себя относительно ее всегда корректно и никакого столкновения с ней не имел. Я помог ему уразуметь это письмо: страдает Горячковская

¹ Горячковская Мария Алексеевна (?) (псевд. Алексеева М.) – драматург, журналистка. Сотрудница «Света»; «Колокола» (1908); «Нового Времени» (1908) – Г-ская, М. Автор книг: «Последний день кровавого царя [Николая II]» Драматическая фантазия. Париж, 1905; «Антирусская агитация в Америке». СПб., 1908; «В чаду миллиардов». Драма в 5-ти д. СПб., 1909; «Японские оргии» (*сложно даже представить, что там написано!* – А.К.) Берлин, 1909.

² Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 433.

³ Там же. С. 435.

⁴ Там же. С. 443.

манией преследования; потому вообразила в Дмитрие Матвеевиче литературного врага себе, ну и напала на него. Следует ему отнестись к ней только сострадательно»⁵.

Одновременно Владыка утешал саму разгорячившуюся журналистку: «Госпожа Горячковская, видимо, страдает манией преследования ее Д. М. Позднеевым, и о том, что он «низкий, подлый шпион» и прочее в этом роде, что я тотчас же ответил ей самыми успокоительными уверениями, что Позднеев с этого времени даже имени ее не будет произносить – до того не будет иметь никакого отношения к ней – значит, она может быть вполне спокойна; ему же написал, чтоб он действительно исполнил это, что нужно шадить ее как больную»⁶.

Как это бывает порой у шизофреников, Горячковская бессознательно нащупала у профессора Д. М. Позднеева слабое место – в то время он был самым высокооплачиваемым агентом российской военной разведки в Японии. Неудивительно, что его так травмировали ее рассказы о нем, как о «подлом шпионе», и поистине христианское терпение слышно в словах успокоения главы православной миссии, обращенных к обеим сторонам разгорающегося скандала.

Как ни старался архиепископ не дать склоке выйти на поверхность, драматическая завязка уже была сыграна. Уже 7 октября Горячковская вновь посетила миссию, однако, теперь просила не денег: «...Была опять Горячковская; боялся, что денег попросит в долг, как на днях, но она попросила совсем другого: рекомендаций в Россию к разным лицам (даже к Премьеру Столыпину), чтоб ее оставили корреспонденткой в Японии – будет-де она очень полезна для укрепления дружбы России с Японией. Я даже вознегодовал от такой нелепой просьбы. Кто же меня послушает?!

Ивану Акимовичу Сенума сказал, чтобы он не позволял обижать русских учеников в Семинарии. Неделкатно это, но и ему заметил, что японские ученики содержатся здесь на счет, между прочим, родителей тех же учеников, которых они обижают; пусть не являются лишними чувства благодарности»⁷.

Из текста дневника неясно, стала ли Горячковская свидетелем разговора главы миссии с японским ректором семинарии Иваном (в крещении) Сенума или он состоялся после ее ухода. Скорее всего, разговаривали наставники тет-а-тет, но пронырливая девица от кого-то другого вполне могла услышать в тот день в семинарии что-то, что не было предназначено для ее ушей и сделать из этого свои выводы. Судя по тому, как разворачивались события в дальнейшем, полученная информация была воспринята ею как потенциальный компромат, и неслучайно

⁵ Там же. С. 445.

⁶ Там же. С. 450.

⁷ Там же. С. 449.

уже через неделю журналистка вновь поднялась на миссийский холм: «Утром, во время нашего занятия переводом, пришла М. А. Горячковская и пристала как банный лист – дать ей еще денег в долг – без отдачи конечно. Дал 15 ен и крепко-накрепко сказал, что больше ни копейки не дам – я сам в долгах, а миссийских дать не могу, да и Миссия очень бедна. Насилу ушла. И куда деньги идут у нее? Недавно только выморочила у меня 75 ен и в Посольстве 200. Могла бы скромнее тратиться»⁸.

После этого «пожертвования» Горячковская пропала надолго. Похоже, что архиепископ Николай и думать забыл о ней. Однако скоро выяснилось, что это была лишь отсрочка, которую неудовлетворенная полученными суммами Горячковская использовала как могла.

3 декабря, в среду «утром Преосвященный Сергей принес показать пакет, полученный им от о. Петра Булгакова. В пакете оказалось, вырезка из газеты “Россия” статейки, подписанной “Гатчинский отшельник”; в статейке, между прочим, выдержка из корреспонденции М. А. Горячковской, понося о. Петра: “к какому-то важному японцу приглашены были на банкет все члены Посольства, но с выразительным исключением из числа приглашенных о. Петра”, что очевидная ложь, измышленная Горячковской, озлобившейся на о. Петра за то, что он не давал материала для ее корреспонденций из Токио. Еще в пакете два сердитые письма о. Петра, оба с надписью “весьма секретно”: одно – к редактору “России” о Горячковской, другое – к Преосвященному Сергию, смешанного содержания; пишет, между прочим, что перестанет изучать японский язык, перестанет ходить в Семинарию учить русских мальчиков – стыдно-де являться в Миссию. Я посоветовал Преосвященному Сергию успокоить разобиженного о. Петра, и чтоб он, о. Петр, попросил в Посольстве в газету “Россия” послать несколько слов опровержения выдумки Горячковской»⁹.

Архиепископ Николай, человек, хотя и опытный, но добрый, в святой наивности своей еще думал, что обиженная петербурженка остановится в своей мести на мелких выдумках и очернении отдельных людей, что для опровержения ее «выдумок» будет достаточно нескольких строчек. Но Горячковская не зря столько времени не появлялась в Миссии – она писала и ждала результата своих трудов. И они не замедлили явиться.

8 декабря 1908 года, понедельник: «...Едва кончил это письмо, как с поспешностью входит Преосвященный Сергей, бывший с утра на экзамене в Семинарии по Евангелию, с двумя номерами газеты “Россия”, полученными там же, в Семинарии, от Д. М. Позднеева, и взволнованный говорит:

⁸ Там же. С. 451.

⁹ Там же. С. 468–469.

– Нужно сейчас послать телеграмму в газету “Россия”, что написанное Горячковской в ней о русских учениках в Семинарии – неправда.

– Что бы ни было там написано, но телеграммой опровергать статью не по средствам Миссии, – говорю я.

– Пусть будет телеграмма на мой счет.

– И вам тратиться не к чему. Оставьте газету; я прочитаю и посмотрю, что надо делать.

В 920 номере, 20 ноября 1908, на первой странице статья, подписанная “М. Горячковская”, под заглавием: “Русские мальчики в Православной Японской Миссии”. В статье, действительно, ни слова правды; «мальчиков было 34, из них 23 исключены; японцы притесняют их. Японцы сносили Миссию только потому, что она доставляла им знатоков русского языка, но ныне встревожились тем, что она стала обучать русских японскому языку и прочее. Миссия дает каждому православному японцу в месяц от 8 до 10 ен; а так как в последнее время содержание Миссии из России уменьшили, то разом 5000 человек отпали от Православия». Словом, сплошная выдумка, поражающая изумлением. В следующем номере газеты. 21 ноября, Лев Александрович Тихомиров защитил Миссию, нашедши сообщения Горячковской невероятными или маловероятными, но в конце статьи сказал: “для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о Токийском инциденте”. Под “инцидентом”, очевидно, разумеет гонение на русских мальчиков; значит, и он отчасти верит гонению. Вызов доброго друга Миссии Льва Александровича и побудил меня написать опровержение выдумок Горячковской¹⁰.

В хранилище газет Российской государственной библиотеки, где, казалось бы, можно найти любой текст, когда-либо выходивший из-под печатного станка в нашей стране, статьи Горячковской в газете «Россия» не нашлось. Как впрочем, не нашлось и всего 920-го номера от 20 ноября. Но, как выяснилось позже, одновременно со статьей в «России» вышел очень похожий материал Горячковской в газете «Новое Время», на который, в свою очередь, в «Церковном вестнике» № 5 за 1909 г. (с. 147–150) дал подробный ответ митрополит Сергей. По его статье, обнаруженной в конце 2012 г. исследователем А. М. Горбылевым, мы и можем теперь проследить обвинения М. Горячковской в адрес миссии по пунктам, как это сделал сам митрополит:

А) «Приамурский губернатор командировал в Токио... 34 русских мальчика для прохождения полного курса православной семинарии на японском языке (“Россия”) – пишет Г-ская. 34 мальчика в “Новом Времени” она уже увеличила до 38...».

Б) «Когда были исключены в течение года до 28 мальчиков (из 34), приамурское генерал-губернаторство выразило недоумение (“Россия”)...»

¹⁰ Там же. С. 471.

В) «В семинарии Токио преподавание ведется по-японски, и русские дети, которым язык этот чужд, не могли, понятно, сравниться с японскими... И неужели же все были дурного поведения? (“Новое Время”)».

Здесь стоит привести часть комментария митрополита Сергея, которая может быть особенно интересна японоведам и которая несколько разнится с ответом архиепископа Николая Японского, который будет приведен ниже: «Русским мальчикам преподавание ведется на русском языке, и лишь Юркевич IV кл. идет теперь совместно с японскими мальчиками, а не в особом классе от них».

Г) «Появление русских мальчиков... было встречено с недоброжелательством... Дети стали подвергаться всевозможным преследованиям товарищей и притеснениям воспитателей (“Россия”)». «Товарищи-ученики страшно над ними издевались» (“Новое Время”)».

Д) «Получив надлежащие инструкции, ректор семинарии Сэнума и его учителя стали исключать русских детей за дурное якобы поведение» (“Россия”); «японцы-учителя по свыше полученной инструкции стали исключать русских мальчиков, беспощадно их преследуя и затравливая (“Новое время”)».

Е) «Положение оставшихся 6 мальчиков угнетенное» (“Россия”). «Они поражают своим забитым, угнетенным видом. “На нас смотрят как на врагов и учителя, и товарищи-японцы. Мы боимсядохнуть, чтобы не придрались и не исключили», – сказали они мне» (“Новое время”).

Я специально не привожу здесь ответов митрополита Сергея, так как, по счастью, аккуратно подшит оказался номер 921-й с той самой статьей Л. А. Тихомирова «Русские воспитанники токийской семинарии», о которой упоминал Владыка. Ее стоит привести почти полностью, чтобы понять уровень интереса в российском обществе того времени к проблемам обучения русских семинаристов в стране недавнего противника – в Японии. Особенно интересными с высот нынешнего дня и, как нам кажется после советской эпохи, своеобразного отношения к прессе, выглядят рассуждения о бездумном патриотизме и способности учиться у соседей:

«...Г-жа Мария Г-ская полна прекрасного чувства патриотизма, но всякое высоко напряженное чувство способно приводить к недостаточной беспристрастности... Для меня не подлежит никакому спору, что г-жа Мария Г-ская изумительно ошибается...

...С педагогической стороны присутствие русских учеников с первого же раза породило неудобство. Сам высокопреосвященный Николай сообщал мне тогда, что в семинарии жалуются на шаловливость русских мальчиков. Между тем, в японском воспитании чрезвычайно ценится дисциплина и “благонравие”. Отсутствие этих качеств у русских нельзя назвать “испорченностью”, но кому же неизвестно, что невыдержанность детей, их своенравие и непривычка к подчинению составляют у нас самое распространенное явление. Однако высокопреосвященный

Николай сообщал мне, что воздействие японских товарищей скоро благотворно повлияло на русских воспитанников, и они вошли в принятые в семинарии рамки “благонаравия”. Так было вначале, когда русских состояло 5–6 на 60 японских воспитанников. Засим число русских стало увеличиваться. Явились ученики из Харбина, явилась и инициатива местного начальства для посылки туда будущих переводчиков. Хотя в этой мысли я не вижу ничего “гениального”, но, конечно, она вполне разумна. И вот, как теперь сообщает г-жа Мария Г-ская, в токийской семинарии набралось 34 русских... но на какое число японцев? Она не говорит, но полагаю, что никак не более 60. Думается, что при таком соотношении чисел едва ли японцы могли оказывать на русских такое же дисциплинирующее влияние как прежде.

Я не знаю, но считаю очень возможным, что японскому правительству, как говорит г-жа Г-ская, нисколько не улыбается научение русских японскому языку. Наше невежество в этом отношении было для японцев слишком выгодно в прошлую войну!

...Я видел, как японцы учатся русскому языку в России. Это изумительная настойчивость и практичность. Человек, с утра до ночи занятый трудом, сверхкомплектно налагает на себя обязанность ежедневно прочитать от доски до доски номер русской газеты, начиная с передовых и кончая всеми объявлениями... А мы сердимся, если сами японцы не жертвуют всеми своими интересами, чтобы обучить нас. Это ни к чему не приведет. Это – *непрактичное поведение*, которое может оттолкнуть от нас и тех, кто к нам расположен, и в меру сил (но не больше) хотел бы нам добра. Нечего и говорить, что мы должны учиться по-японски для сношений со страной, которой значение так предосудительно игнорировали раньше, за что и были столь жестоко наказаны. Но необходимость изучения японского языка для русских не дает права требовать, чтобы Токийская семинария забывала свои православные и педагогические интересы. Еще менее возможно было бы допустить опорочивание людей, которых все предыдущее поведение не обнаруживало в отношении России ничего, кроме сердечной доброжелательности. Это даже непрактично, невыгодно. И потому-то для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о токийском инциденте от знающих... без всякого “пристрастия”, навеянного хотя бы и самыми прекрасными патристическими чувствами»¹¹.

В чем был прав, а в чем ошибался Л. А. Тихомиров, архиепископ Николай Японский принялся разбираться сам уже на следующий день по получении газеты: «С документами под рукою писал правду о русских мальчиках в Семинарии для газеты “Россия”; опровергнул и другие не-

правды из статьи Горячковской»¹². Однако прежде чем Николай Японский увидел свой труд в печати, 26 декабря в Собор Пресвятой Богородицы, он получил письмо от... самого автора скандала: «Между письмами сегодня одно от Горячковской; пишет вздор и вранье и прилагает вырезку своей статьи из “Нового Времени”, в которой тоже вранье»¹³.

Поистине беспринципность этой женщины способна и сегодня вызвать изумление. Можно только удивляться долготерпению Николая Японского, спокойно ожидавшего появления в печати своего ответа. Это случилось уже в новом, 1909 году, 22 января: «Издатель газеты “Россия”, Сергей Николаевич Сыромятников, прислал мне номер 953, от 31 декабря 1908 года, где помещено мое письмо в газету: “Русские воспитанники в Токийской семинарии”, в опровержение выдумок Горячковской. В любезном письме, кроме того, полученном сегодня. Господин Сыромятников извещает, что за статью мою и обычный гонорар посылает 40 рублей 20 копеек и приглашает еще писать в его газету, что делать, к сожалению, мне некогда» (с. 489–490).

Еще через десять дней, 2 февраля 1909 года, в праздник Сретения Господня, очевидно совершенно успокоившийся и даже с некоторым юмором относившийся к увядающему медиаскандалу архиепископ Николай записал в своем дневнике: «К Литургии приехал посол (посол России в Японии Н. А. Малевский-Малевич. – А. К.) и потом был у меня; показал письмо к нему генерал-губернатора Приамурской области Унтербергер, с припиленной вырезкой из газеты «Новое время», где госпожа Горячковская описывает жалкое положение (якобы) русских мальчиков в здешней Семинарии. Унтербергер спрашивает Николая Андреевича, правда ли это? Ко мне не хочет писать потому-де, что, по заявлению Горячковской в статье, для меня тягостна всякая речь об этом предмете. Я пробежал вырезку; в ней такая же ложь о мальчиках, что была в газете “Россия”, а потому я передал Николаю Андреевичу и просил его передать Унтербергеру, для успокоения его, номер «России» с напечатанным в нем моим опровержением выдумок Горячковской»¹⁴ (с. 492–493).

Почему архиепископ Николай Японский был так спокоен, отправляя через посла Николая Андреевича «успокоение» Унтербергеру? Потому что его статья, надо отметить, очень большая – на полную газетную полосу – стала не просто ответом не вполне вменяемой клеветнице, но и настолько полным и точным изложением шестилетней истории обучения русских подростков в Токийской православной семинарии, возразить на которое было нечего и некому. В этом рассказе есть все: причина появления первых русских мальчиков в стенах сургадайской

¹¹ Газета «Россия». №921. 21 ноября 1908 г.

¹² Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 72.

¹³ Там же. С. 480.

¹⁴ Там же. С. 492–493.

миссии, условия их проживания и обучения, предметы, которые они там изучали и даже стоимость нахождения их в Токио. Это очень подробный и довольно откровенный рассказ обо всем, что окружало молодых русских ребят в японской столице. В этой статье нет, пожалуй, только двух вещей. Во-первых, Николай Японский не мог ничего написать о реальной цели подготовки русских семинаристов – работе в разведке, потому что вряд ли знал об этом. Во-вторых, архиепископ не захотел ничего написать о реальном конфликте, свидетелем которого, судя по всему, стала Горячковская.

В начале октября 1908 года «Два русских ученика пришли, плача, жаловаться, что японские ученики их обижают, бьют. Призвал обидчиков: Манабе, дрянного грубого юношу, и Каминага, от которого не ожидал этого, и с гневом выговорил им, что “они живут в русском доме, едят русский хлеб, купаются в благодеяниях России и не являют ни малейшего чувства благодарности за все это, признаком чего служит их грубое обращение с русскими товарищами”. Выразивши все это, что, кажется, в первый раз пришлось выразить в такой форме, прогнал их. Отвращение возбуждает эта неспособность японцев к благородным чувствам благодарности и подобного»¹⁵.

Если об этой истории как-то узнала Горячковская, что, повторюсь, вполне допустимо, то в ее «необычайно живом» сознании она легко мог превратиться в грандиозную вражду между русскими и японцами в Токийской православной семинарии. Более того, архиепископу Николаю наверхника удалось бы предотвратить утечку информации о скандале из стен миссии, если бы не Горячковская. Ведь даже ей стало известно о противостоянии русских и японцев в какой-то весьма смутной форме – иначе она непременно привела бы в своей статье не только выдумки и фантазии, но и реальные факты. Однако они ей были неизвестны – она поняла, что в семинарии происходит что-то экстраординарное, догадалась, что именно, но никак не могла подтвердить свою догадку. Николай Японский, в свою очередь, не мог позволить конфликту между учениками стать достоянием гласности – это нанесло бы тяжелый удар имиджу России в Японии, но, главное, репутации японской православной церкви. Глава церкви не просто опроверг информацию о скандале с помощью прессы, а сделал это так, что она выглядела совершенно бесконфликтной. Если бы после смерти Владыки не были найдены его дневники, скорее всего, мы бы никогда не узнали о том, что на самом деле произошло в стенах семинарии в октябре 1908 года. Во всяком случае, в статье об этом ни слова:

«В № 920, газеты “Россия”, от 20-го ноября 1908 г., напечатана заметка Марии Г-ской: “Русские мальчики в православной японской миссии”. Сообщаемое в ней о мальчиках – сплошная выдумка, ни на

чем неоснованная. Вот правда об этих мальчиках, с самого начала до настоящего времени.

В феврале 1902 г. главный начальник Квантунской области вице-адмирал Е. И. Алексеев из Порт-Артура спросил меня, может ли он прислать в миссийскую семинарию двух мальчиков для образования из них переводчиков японского языка? Я ответил готовностью принять мальчиков, с условием, чтобы они были не моложе 14 лет, способные, хорошего поведения, и чтобы жили здесь среди японских воспитанников совершенно по-японски: питались японскою пищею, одевались в японское платье, сидели по-японски и соблюдали все прочие условия японской жизни, а равно и все правила семинарской инструкции. Послал, согласно запросу адм. Алексеева, и точный расчет, сколько будет стоить содержание мальчиков, без копейки в пользу миссии. В августе 1902 г. два мальчика прибыли, помещены были отдельно друг от друга в среду японских учеников и в продолжение года настолько освоились с японским языком, что могли дальше наравне с японскими сверстниками проходить предметы семинарского курса. Японские семинаристы по-братски приняли их в свою среду, всегда дружески и ласково обращались с ними. Трудное время войны пережили здесь русские воспитанники, но и в это время не видели дурного обращения от своих товарищей, а видели только их деликатность. К 1906 г. оба воспитанника так усвоили японский язык, что им стало труднее говорить по-русски, чем по-японски; письменную часть японского языка они выучили с не меньшим успехом. Видя, что назначение, с которым присланы были эти воспитанники, исполнено, я снесся с командующим войсками на Дальнем Востоке генералом от инфантерии Н. Н. Гродековым, и, согласно его распоряжению, в июне 1906 г. воспитанники были отправлены, уже в качестве переводчиков военных штабов, один в Харбин, а другой – в Хабаровск.

Видя такие результаты воспитания в семинарии, военное начальство из Харбина, в сентябре 1906 г., телеграммою, через здешнего военного агента полковника Самойлова, запросило: “Не возьмется ли духовная миссия воспитать 26 мальчиков, для обучения их японскому языку на тех же основаниях, на каких воспитаны прежние два?” Я посоветовался с ректором и наставниками семинарии, и мы нашли, что 26 никак не можем принять, даже и поместить их негде, но что, хотя и с немалым стеснением для нас, 10 принять можем. В таком смысле чрез полковника Самойлова отвечено было в Харбин, и 11 ч. ноября 1906 г. от начальника Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, генерал-лейтенанта Н. М. Чичагова, с адъютантом штаба присланы были из Харбина в семинарию 8 мальчиков – все дети казаков («казачата», как о них пишется в официальных бумагах).

Из Хабаровска военное начальство также попросило миссию принять несколько воспитанников; и миссия, в виду очевидной пользы для

¹⁵ Там же. С. 447.

местностей, откуда просят, хотя и с стеснением для себя, приняла: в августе 1907 г. трех и в декабре одного – всех по представлению военного губернатора Приморской области и наказного атамана уссурийского казачьего войска генерал-майора В. Е. Флуга. Из сих воспитанников трое также “казачата”, и один значится сыном чиновника.

Выбор означенных 8 харбинских и 4 хабаровских воспитанников, к сожалению, не сделан был с должным вниманием. Трое из харбинских и один из хабаровских оказались неисправимыми нарушителями мира между своими и японскими товарищами и правил школьной дисциплины, а потому, к общей радости и русских и японских учеников, отсланы обратно: в Харбин двое – 15 января 1907 г. и один – 20 июня того же года, в Хабаровск один – 7 июля 1908 года. Что они возвращены после такой долгой жизни в школе, может служить ясным показанием того, что терпеливо употреблены были все меры к исправлению их.

Места выбывших воспитанников не остались пустыми. Вот что писал мне генерал-лейтенант Н. М. Чичагов от 23 августа 1908 г., за №728: “Одновременно с сим перевожу вам кредит на вторую половину учебного года, всего в сумме 1.278 рублей, и посылаю, на замену убывших, трех новых учеников: Александра Плешакова (14 лет), Ивана Панпурина (13 лет) и Петра Перетолчина (13 лет). Они выбраны намеренно из числа самых молодых кандидатов, так как опыт приводит к заключению, что более взрослые воспитанники по своему поведению мало надежны и не подходят под режим, установленный в школе. Кроме того прошу считать пансионером округа воспитанника вашей школы Михаила Сокольского.

Таким образом, всего будет наших учеников девять человек. Нарочно не довожу до разрешенного мне в 10 человек штата из опасения, как бы не выйти из установленного кредита, так как цены в Японии растут, а на увеличение отпуска денег рассчитывать трудно. На обратный путь уволенным Вами в отпуск (на каникулы) воспитанникам приказал выдать по 30 рублей, и они выезжают в Токио вместе с вновь посылаемыми мальчиками 29 августа нашего стиля”.

Из Хабаровска также, вместо возвращенного воспитанника, прислан в семинарию после минувших каникул другой, более надежный.

Я говорю это о казенных русских воспитанниках в семинарии, которых из Харбина ныне 9 и из Хабаровска – 4.

Но есть, кроме того, несколько воспитанников частных, попавших в семинарию совершенно неожиданно для нее.

1906 г. 27 августа является в миссию рыбопромышленник из селения Рыковского на Сахалине, С. Г. Юркевич, в сопровождении двух сыновей 15 и 12 лет, и убедительно просит принять их в семинарию. Приняли. Младшего сына Юркевич, по прошествии года, взял обратно, по малоспособности его к учению; старший и теперь здесь учится.

1907 г. 24 августа ротмистр И. М. Комаровский из Харбина просит принять его племянника М. Сокольского, сына коллежского секретаря, в семинарию. Принят. Ныне он, как выше сказано, присоединен к казенным харбинским воспитанникам.

1907 г. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглой сирота, с письмом от своего опекуна, учителя Новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств[енного] почетного гражданина В. П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. Принят. 1908 г. 31 августа также совсем неожиданно явился с Сахалина мальчик Гавриил Журавлев, с прошением от своего отца, крестьянина Александровского поста, принять его в семинарию. Принят.

Всего частных воспитанников ныне в семинарии 3. И в будущем угрожает ей возрастание сего числа. Г. Костров от 24 августа 1908 г. пишет мне: “Воспитанник В. Ощепков после каникул снова возвращается в вашу обитель. Год, проведенный в Духовной токийской семинарии, конечно, сказался. Мальчик своим корректным поведением и умением держать себя в кругу взрослых произвел очень хорошее впечатление на всех знакомых. Вообще, он и Юркевич так расположили к себе сахалинцев, что многие думают у вас воспитывать своих детей. Слова эти не лесть, а дань тому, что дает токийская семинария.

Итак, ныне в семинарии всех русских воспитанников 16 при 54 японских. К счастью, все русские воспитанники ныне ведут себя вполне корректно; оттого между ними и японскими сверстниками не возникает никаких недоразумений и столкновений и живут все в полном мире и товарищеской дружбе.

Но я должен откровенно признаться, что русские воспитанники составляют для семинарии немалое неудобство. Семинария имеет свою строго специальную цель – воспитывать служителей церкви; программа преподавания в ней соответствует своей цели, корпорация наставников приспособлена к сему. И вдруг для тех же наставников совершенно постороннее дело: учить русских японскому языку и сопряженных с сим предметам – японской географии, истории, писанью китайских иероглифов и т. п.! Когда русские усвоят японский язык настолько, что их можно присоединить к соответствующему их знаниям классу японских учеников, тогда неудобство прекращается, уроки одинаковы для всех. Но ведь когда же они присоединятся, особенно при таком розничном поступлении в школу! Думаю, что указанное неудобство понятно для всех. Но прошу принять во внимание, что корпорация наставников семинарии не тяготится этим неудобством и не ропщет на него, а со всей готовностью делает для русских воспитанников все, что требуется, и это с единственною, ясно сознаваемою целью, насколько силы позволяют, делать дело несомненно полезное для России и для

закрепления ее добрых отношений с Японией. Этим сознанием только и вознаграждается для наставников их труд, в материальном отношении, можно сказать, бескорыстный. Положено, правда, с воспитанников по 2 ены в месяц за специальные уроки для них; но эта малая сумма, разделенная на всех преподающих им учителей, разве может быть названа вознаграждением? В пользу же собственно миссии от всех воспитанников не поступает ровно ничего; скорее, от миссии перепадает на них, при трудности с точностью рассчитать, по причине колебания цен, сколько именно составляет ежемесячное содержание каждого, а только это содержание и присылается на них, со включением того что требуется на одежду, обувь и мелочи.

Теперь о том, как смотрят японцы на обучение русских воспитанников в здешней семинарии. Совершенно противоположно тому, что пишет о сем г-жа Г-ская: смотрят дружески, благоприятно. Никому из нас здесь не приходилось ни слышать, ни читать в газетах что-нибудь не дружеское об этом; напротив, всегда и всеми выражается удовольствие, что вот и русские начинают изучать японский язык. Сколько раз и от скольких газет приходили репортеры повидаться с нашими мальчиками, расспросить их, как нравятся им жизнь в Японии и т. п., и потом в самых симпатичных чертах описывали их и цель их обучения! Снимались с них фотографии и помещались в печати, и всегда с самыми добрыми речами о них, или по поводу их. Раз только пришлось встретить в газете порицательный отзыв о русских учениках, но это по поводу дурных поступков вне школы тех учеников, которые потом были исключены из семинарии. Воспитанники японских школ, даже из провинций, вступают с ними в товарищескую переписку; кадеты хороших фамилий заводят знакомство с ними. В прошлом году, в одно воскресенье, маршал маркиз Ояма, главнокомандующий японских войск в минувшую войну, прислал в миссию пригласить одного из русских воспитанников в гости к своему сыну кадету; Т. Юркевич, хорошо говорящий по-японски, отпущен был и провел день в доме маркиза, в дружеском общении с его сыном, на что лучше доказательства, что японцы к русским воспитанникам в семинарии относятся так хорошо, что лучшего и желать нельзя?

Считаю не лишним исправить и следующие неверности.

Г-жа Г-ская пишет: “Много поколений японцев выучились в миссии русскому языку”; “японцы смотрят на миссию благосклонно лишь потому, что она является школою русского языка” и прочее в сем роде. Все это не соответствует истине. Миссийская семинария никогда не задавалась и не думала задаваться целью воспитывать знатоков русского языка. Русский язык в ней преподается, во-первых, потому, что духовные учебники до сих пор еще не все переведены на японский язык, и ученики в старших классах должны готовить уроки по русским

учебникам, хоть отвечают их по-японски; во-вторых, потому, что для служителей церкви здесь должна быть открыта русская духовная литература. И потому кончающие здесь курс семинарии русскую книгу читают, но говорить по-русски не могут. Если встречаются во Владивостоке и в других местах хорошо говорящие по-русски из учившихся в семинарии, то они приобрели это практикой, по оставлении семинарии или церковной службы, уже без всякого отношения к миссии и семинарии; но это редкие случайности – их можно перечесть по пальцам; и если бы только они составляли знатоков русского языка для Японии, то Япония не больше бы знала русский язык, чем Россия – японский. Не от миссии здесь широкое знание русского языка, а главным образом от правительственной школы русского языка, существующей, кажется, с 1871 г.; по крайней мере, когда я поселился в Токио в 1872 г., эта школа уже была налицо и имела десятки учеников. С тех пор до настоящего времени она непрерывно действует, не переставая выпускать более или менее компетентных знатоков русского языка. Правительство всегда озабочивалось иметь для нее, кроме учителей японцев, способных преподавать русский язык, учителей из России и непременно с университетским образованием. Таков и ныне здесь главный профессор русского языка и русской литературы в правительственной школе, имеющей 67 учеников. Затем, русский язык и до войны преподавался, а ныне усиленно преподается в военных заведениях: военной академии, артиллерийско-инженерном училище, юнкерском училище и кадетском корпусе; преподается он также в коммерческом училище, а в последнее время стал преподаваться и в университете. Словом, широкой волнойливается русский язык в Японию, но уж никак не чрез миссийскую семинарию.

“Выдача от миссии каждому православному японцу от 8 до 10 ен в месяц», “громовая проповедь в церкви”, “отпадение от православия более 5,000 японцев, по прекращении пособия от 8 до 10 ен” – выдумки г-жи Г-ской, повергающие в изумление. Не японцам дается, а японцы дают: лишь только крестится японец, как он должен участвовать в расходах на церковь. По статистическому листу, приложенному к книжке протоколов собора нынешнего года, значится, что японские христиане за год, с собора прошлого года по собор нынешнего, дали на церковные нужды: 17,859 ен 76 сен. На 30, 432 наших христианина это довольно значительная сумма.

*Архиепископ Николай
Токио. 12 декабря 1908»¹⁶*

Обращаясь сегодня к этой истории, мы оказываемся лишены возможности узнать мнения главных ее участников – японских и русских семинаристов. Впрочем, два свидетельства бывших «русских мальчи-

¹⁶ Газета «Россия». № 953. 31 декабря 1908 г.

ков» все же дошли до нас. Необходимо, однако, заметить, что рассматривая их, следует принимать во внимание, что сделаны эти заявления были в особых обстоятельствах и много лет спустя после выпуска из семинарии. Так, 27 мая 1959 г. бывший семинарист Исидор Яковлевич Незнайко записал аудиописьмо, обращенное к потомкам. Только один раз голос старого казака, звучащий все время бодро и даже несколько пафосно, срывается на рыдания – когда он вспоминает учебу в Токийской семинарии: «...Тут тоже было для меня нелегко... И даже скажу очень и очень тяжело! Оторванному от родины и от родителей... Но я... крепился и пережил все трудности».

Много раньше, в 1923 г., заполняя документы для советской военной разведки, однокашник Незнайко, Василий Сергеевич Ощепков, высказался еще более откровенно: «Я истинный русский патриот, воспитанный хотя и не в русской школе. Но эта школа научила меня любить прежде всего свой народ и Россию»¹⁷.

Так или иначе конфликт между русскими японскими учениками в Токийской православной семинарии имел место. Он был мастерски и совершенно справедливо улажен наставником миссии – архиепископом Николаем Японским, но последствия этого события, выразившиеся в написании сразу нескольких статей в различных российских изданиях, обогатили нас бесценными сведениями о жизни и быте наших соотечественников и предшественников – первых русских японоведов, получивших свои знания Японии в стране изучения.

¹⁷ Цит. по Лукашеву М. Н. «Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской...», М., 2003. С. 18.

Поэтическая карьера Камо-но Тёмэй

М. В. Торопыгина

Статья посвящена поэтическому творчеству известного литератора конца эпохи Хэйан – начала эпохи Камакура Камо-но Тёмэй (1155–1216). Начав участвовать в официальных поэтических турнирах в 1175 году, Камо-но Тёмэй в начале XIII века был приглашен стать членом Вакадокоро (Ведомства поэзии), которое начало подготовку к созданию императорской поэтической антологии «Синкокинсю». Статья основана на поэзии Камо-но Тёмэй и его поэтологическом трактате «Мумёсё».

Ключевые слова: Камо-но Тёмэй, «Мумёсё», поэзия, поэтический турнир, ранг, «Синкокинсю», императорская антология.

В прошлом, 2012 году, в Японии отмечалось 800-летие создания одного из самых знаменитых памятников средневековой литературы – «Записок из кельи» («Ходзёки») Камо-но Тёмэй (1155–1216). Это произведение переведено на множество языков, его знают далеко за пределами Японии. На русский язык «Ходзёки» переведены Н.И.Конрадом, в самом начале 20-х годов XX века. В «Ходзёки» Камо-но Тёмэй ничего не пишет о поэзии. Однако поэзия была предметом его размышлений. Приблизительно в то же время, что и «Ходзёки», им было написано еще одно сочинение – «Мумёсё» («Записки без названия»), полностью посвященное поэзии. Это сочинение содержит как теоретические положения, касающиеся японской поэзии, так и сведения по истории поэзии, поэтические легенды, истории о поэтах-современниках Тёмэй. Немало в «Мумёсё» и сведений о самом авторе, Тёмэй рассказывает, какие советы давали ему учителя, в каких турнирах он участвовал, какие стихи готовил для этих турниров.

Если творчество Камо-но Тёмэй привлекает исследователей (а вслед за ними и читателей) в первую очередь записками «Ходзёки», то когда пишут о его жизни, больше всего внимания уделяют его уходу в монахи и отшельнической жизни. Уход в монашество был для средневекового общества делом совершенно обычным (достаточно вспомнить, сколь многих средневековых поэтов мы знаем по их монашеским именам), однако Камо-но Тёмэй привлек внимание современников: он стал монахом, когда его придворная карьера была на взлете, его уход был обставлен театрально, Тёмэй стал вести затворнический образ жизни, что было совершенно не обязательно, многие монахи продолжали участвовать в